

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Мотив безумия в поэзии футуристов
(В. Маяковский и Т. Чурилин)**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 432 группы
Направления 42.03.02 – Журналистика
Института филологии и журналистики

Шигановой Анны Дмитриевны

Научный руководитель
профессор, д.ф.н, доцент
должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

И.Ю. Иванюшина
инициалы, фамилия

Зав. кафедрой
зав.кафедрой, к.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Ю.Н. Борисов
инициалы, фамилия

Саратов 2021

ВВЕДЕНИЕ

Мотив безумия встречается в творческой практике и прагматике представителей разных футуристических групп. Одни возводили безумие в художественный метод, другие эпатировали публику безумным амплуа. Поддерживая миф о своём сумасшествии, футуристы ещё больше привлекали внимание публики. Своеобразие футуристического творчества производило на обывателей шокирующее воздействие. Среди критиков были и те, кто принял эстетическую позицию футуристов за психическое расстройство¹.

Хорошо изученная динамика мотива безумия в общекультурном контексте² показала, что к моменту возникновения футуризма не было единого мнения о соотношении сумасшествия и творчества. Психиатрия находилась в процессе формирования, многие явления, не укладывающиеся в принятые рамки, воспринимались как патологические³ — в том числе авангардное искусство.

В теоретическом осмыслении проблемы «футуризм и безумие» мы опирались на исследования В. Григорьева, И. Иванюшиной, Т. Мавлиной, С. Юркова, Т. Терновой, Д. Шукурова, В. Тырышкиной⁴ и др. Мотив безумия в них

¹Закржевский, А. К., Вавулин, Н. И. Рыцари безумия (Футуристы) / А. К. Закржевский, Н. И. Вавулин / Сост. С. М. Шаргородский. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. 174 с. ; Радин, Е. П. Футуризм и безумие: Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов / Е. П. Радин / Сост. С. М. Шаргородский. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. 94 с. ??????

² См. : Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо / Пер. с ит. изд. и предисл. К. Тетюшиновой. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1892. 248 с. ; Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко / Пер. И. К. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.; Эпштейн, М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.; Федосеенко, Н. Г. Романтический феномен безумия / Н. Г. Федосеенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 9. Вып. 3. Ч. 1. С. 26-37 ; Антонян, К. Г., Соколова, Н. А. Иррациональные мотивы современной культуры: безумие как творческий метод / К. Г. Антонян, Н. А. Соколова // Гуманитарный научный вестник. 2018. №1. С. 16-25.

³ Вавулин, Н. И. Безумие, его смысл и ценность // Рыцари безумия (Футуристы). Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. С. 145.

⁴ См. : Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников / В. П. Григорьев // Григорьев, В. П. Будетлянин / В. П. Григорьев. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 57-205; Иванюшина, И. Ю., Мавлина Т. А. «Человек играющий» в творчестве В. В. Маяковского. Эстетика праздника. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 44 с.; Иванюшина, И. Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика / И. Ю. Иванюшина.

выступал как модель самопрезентации, культурная позиция, творческий метод и инструмент создания образа лирического героя.

Актуальность проводимого исследования обусловлена тем, что, несмотря на неоднократные обращения учёных к проблеме «футуризм и безумие», остались области, не до конца изученные, в частности средства репрезентации и функции этого мотива в футуристическом тексте на основе сопоставления двух наиболее показательных и контрастных поэтов — В. Маяковского и Т. Чурилина.

Цель научной работы — выявить функции мотива безумия в футуристической поэзии В. Маяковского и Т. Чурилина.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть историко-культурное развитие мотива;
- определить место мотива безумия в творчестве футуристов;
- выявить способы реализации мотива безумия в лирике В. Маяковского и Т. Чурилина на разных уровнях текста;
- сопоставить функции мотива безумия в творчестве двух поэтов-футуристов.

Предметом исследования является мотив безумия в лирике поэтов-футуристов.

Объектом исследования служат поэтические тексты В. Маяковского и Т. Чурилина 1910-х годов.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав («Мотив безумия в ранней лирике В. Маяковского» и «Особенности реализации мотива безумия в творчестве Т. Чурилина»), заключения и списка использованных

Саратов: Издательство Саратовского университета, 2003. 310 с. ; Иванюшина, И. Ю. Жанр самопрезентации в лирике русского футуризма / И. Ю. Иванюшина // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 203–209 ; Юрков, С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.) / С. Е. Юрков. СПб.: Летний сад, 2003. 210 с.; Тернова, Т. А. Семиотика безумия в литературе русского авангарда / Т. А. Тернова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. №21. Вып. 45. С. 134-139; Шукуров, Д. Л. Литература русского авангарда и психоанализ / Д. Шукуров // Вестник ИГЭУ. 2010. Вып. 1. С. 94-98 ; Тырышкина, Е. В. Формирование читательской реакции в лирике модернизма (В. Маяковский, Р. Ивнев): монография / Е. В. Тырышкина. Новосибирск: Издательство ИГПУ, 2013. 165 с.

источников, включающего 65 наименований. Общий объём работы составляет 56 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I. Мотив безумия в ранней лирике В. Маяковского

В первой главе выделяются функции мотива безумия в футуристической лирике В. Маяковского (1912-1917).

Опираясь в своём анализе на исследования В. Маркова⁵, Е. Эткинда⁶, И. Иванюшиной, В. Терёхиной, Т. Мавлиной, С. Юркова, Т. Терновой и др., мы выделили четыре функции мотива сумасшествия у В. Маяковского.

Во-первых, *безумие как театрализованная маска*, допускающая определённую степень социальной свободы. В дореволюционный период творчества В. Маяковский имел репутацию громогласного бунтаря, «поэтического безумца». Знаковым атрибутом такого амплуа была жёлтая кофта, которую он надевал на выступления. Эти черты поэт культивировал и в образе своего лирического героя. Облачённый в «безумие» герой является ключевой фигурой экстатического праздника из смеха и крови. Ввиду безудержной творческой энергии он обладает демиургической силой, поэтому в пространстве карнавала грань между воображением и реальностью принципиально не проводима: «Я сошью себе черные штаны // из бархата голоса моего. // Желтую кофту из трех аршин заката»⁷. Перед толпой он предстаёт в искусственно созданном образе «площадного сутенёра и карточного шулера» (С. 187), однако за таким амплуа таится ранимая душа поэта: «Хорошо, когда в желтую кофту // душа от осмотров укутана!» (С. 186).

⁵ Марков, В. Ф. История русского футуризма / В. Ф. Марков / Пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останкина. СПб.: Алетейа, 2000. 438 с.

⁶ Эткинд, Е. Г. Там, внутри / Е. Г. Эткинд // *Revue des études slaves*. 1996. Т. 68. В. 2. С. 159-183.

⁷ Маяковский, В. В. Собр. соч. В 13 т. Т.1. / В. В. Маяковский. М: Гослитиздат, 1955. С. 59. В дальнейшем все произведения В. Маяковского приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте работы.

Во-вторых, *безумие как апофеоз глубоких страданий*. Герой живёт страстями и ощущает в них острую необходимость. На фоне других переживаний любовная коллизия служит «спусковым крючком» — герой оказывается близок к сумасшествию. Чем сильнее он страдает, тем больше сходит с ума: «Дикий, // обезумлюсь, // отчаяньем иссецась» (С. 107).

Высокая степень эмоционального напряжения лирического героя передаётся при помощи приёма *остранения* — восприятие героем окружающей действительности деформируется, и он начинает видеть обыденные вещи искажённо. Автор описывает их с помощью экспрессивно-выразительной лексики и мрачных метафор: «Ямами двух могил // вырылись в лице твоём глаза» (С. 206).

Ярким экспрессивным приёмом воплощения внутренних состояний героя служит *овеществление* — мысли, эмоции и состояния принимают у В. Маяковского форму материальных предметов: «Пришла // и голову отчаянием занавесила // мысль о сумасшедших домах» (С. 186).

В духе экспрессионистской эстетики мотиву безумию сопутствует *мотив плоти* — возвышенные чувства неуравновешенного героя поэт передаёт через антиэстетические образы изуродованного тела: «Последним будет // твоё имя, // запекшееся на выдранной ядром губе» (С. 204).

Сопутствующим мотивом является и *мотив самоубийства*. Герой видит единственное спасение от любовных страданий в самоуничтожении. Это вызвано не столько болезнью, сколько темпераментом героя и его особым восприятием реальности: «А сердце рвется к выстрелу, // а горло бредит бритвою» (С. 255). Суицидальное настроение героя как правило ограничивается намерениями и не приводит к летальному исходу, поэтому оно может быть переосмыслено и в созидательном ключе: «Я хочу одной отравы — // пить и пить стихи» (С. 208).

В-третьих, *безумие как исключительность*. Наделённый знанием сакральных истин герой-безумец отправляется проповедовать среди

несчастливых и отверженных: «Сегодня в вашем кричащем тосте // я обвиняюсь своим безумием» (С. 155).

Мир, в котором оказывается герой, тоже безумен, но это безумие иного, деструктивного характера. Люди в нём жестоки и безнравственны, поэтому возникает конфликт «герой» — «толпа». Преданный всеми герой, подобно Христу, принимает на себя страдания других: «Я добреду — // усталый, // в последнем бреду // брошу вашу слезу // темному богу гроз // у истока звериных вер» (С. 171).

Одинокое положение героя подчёркивает его духовно-нравственное превосходство над толпой обывателей, однако в этом и заключается неразрешимость конфликта: герой в своей исключительности бессилен изменить сознание толпы. Это же неоромантический конфликт может преподноситься и в ироническом ключе — отчаянный герой уже не проповедует истину, а высмеивает обывательскую пошлость. «Ничего не понимают» обыватели, а репутация безумца сложилась почему-то у лирического героя.

Природа социальной нормы, по В. Маяковскому, имеет неустойчивый характер. В любой момент игра может перевернуться, и на место разума встанет безумие: «поташим мордами умных психиатров // и бросим за решетки сумасшедших домов!» (С. 81).

Противостояние между «нормальной» толпой и «безумным» лирическим героем определяет и образную систему В. Маяковского. Образы обывателей выстраиваются из внешних признаков — пошлой телесности («грязные, в калошах и без калош» (С. 56), любящие «баб да блюда» (С. 75)). Образ лирического героя, напротив, формируется из элементов мира внутреннего — «личное» становится обнаженным и ранимым: «А себя, как я, вывернуть не можете, // чтобы были одни сплошные губы!» (С. 175).

В-четвёртых, *безумный хронотоп как проекция внутреннего мира персонажа*. Переживания героя не уместаются в рамках «личного» и переходят

в окружающее пространство: «Слышу: // тихо, // как больной с кровати, // спрыгнул нерв» (С. 177). Зловещий и безумный город олицетворяет психологическое состояние героя. Грань между «внутренним» и «внешним» принципиально размыта.

В. Маяковский рисует городской хронотоп в экспрессионистской манере — как зловещее, отталкивающее и источающее безумие «адище». Ощущение апокалиптичности передаётся посредством экспрессивной лексики, поэтому повседневные процессы описываются как нечто девиантное. С помощью сниженных эпитетов и метафор создаётся ощущение повсеместного насилия и нескончаемой боли: «Ветер колючий // трубе // вырывает // дымчатой шерсти клок» (С. 39).

Чувства дискомфорта и отвращения внушаются у читателю посредством телесности, которой наделен хронотоп. Время суток и явления природы антропоморфны, поэтому способны «пощупать» героя «промокшими пальцами» (С. 48). Город превращается в единый оживший организм, обладающий сознанием, тогда как люди, его населяющие, обезличены и лишены души.

Автор подчёркивает абсурдность и безвыходность ситуации — у героя благие намерения, но он не может найти себе место в безумном обезбоженном мире: «иду // один рыдать, // что перекрестком // распяты // городовые» (С. 45).

ВЫВОД

Глава II. Особенности реализации мотива безумия в творчестве

Т. Чурилина

Во второй главе определяется специфика художественной репрезентации безумия в поэтических текстах Т. Чурилина. Обострения душевного недуга сопутствовали поэту всю жизнь, однако мотив безумия в его творчестве не был исключительно следствием диагноза. В отличие от произведений обычных больных, способных создать яркие, но бессвязные образы, в поэзии Т.

Чурилина, по замечанию Н. Гумилева, «есть строгая логика безумия и подлинно бредовые образы»⁸.

Анализ лирики Т. Чурилина с опорой на исследования Д. Безносова⁹, А. Мирзаева¹⁰, В. Маркова, О. Юрьева¹¹, В. Дорожкиной¹², Н. Яковлевой¹³, С. Шаргородского¹⁴, Т. Скрундзь¹⁵ показал, что мотив безумия в его произведениях является системообразующим. Он пронизывает все уровни текста.

Прежде всего, мотив безумия у Т. Чурилина *формирует образ лирического героя*. В большинстве случаев субъект речи в стихотворениях поэта выступает в роли ненадёжного рассказчика. Он пребывает в пограничном состоянии сознания — между жизнью и смертью, между разумом и безумием, поэтому в нарративе от лица героя реальное и фантастичное неразличимы. Происходит остранение пространства и вещей.

⁸ Гумилев, Н. С. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. С. 193.

⁹ Безносов, Д. Д. Главная книга Тихона Чурилина («Весна после смерти») / Д. Д. Безносов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. №2. С. 132-135 ; Безносов, Д. Д. Неизвестная пьеса Тихона Чурилина (По материалам РГАЛИ) / Д. Д. Безносов // Вестник ТГПУ. 2012. №3. С. 208-212.

¹⁰ Мирзаев, А. М. Тихон Чурилин и Владимир Маяковский (к вопросу о влияниях, отталкиваниях и противостояниях) / А. М. Мирзаев // ФИЛОЛОГОС. 2015. Вып. 2. С. 83-88.

¹¹ Юрьев, О. А. Излечение от гениальности: Тихон Чурилин — лебедь и Лебядкин. Начало / О. А. Юрьев // Лехаим. 2013. №10. [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/258/yuriev.htm> (дата обращения: 11.03.2020). Загл. с экрана. Яз. рус.

¹² Дорожкина, В. Т. Поэт из тамбовской Лебедяни / В. Т. Дорожкина // Дорожкина, В. Т. Тамбовский край талантами богат... : краеведческие статьи и очерки. В 2 т. Т. 1 / В. Т. Дорожкина. Тамбов: Студия печати Галины Золотовой, 2016. 368 с.

¹³ Чурилин, Т. В. Встречи на моей дороге / Т. В. Чурилин / Вступ. статья, публ. и комм. Н. А. Яковлевой // Лица: Биографический альманах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 10. С. 408-494.

¹⁴ Шаргородский, С. М. Безумство храбрых. Русский футуризм и дискурс вырождения: вокруг «Футуризма и безумия» Е. Радина / С. М. Шаргородский // Авангард и остальное. Сборник статей к 75-летию Александра Ефимовича Парниса. Под ред. Х. Барана, Т. В. Горячевой. М.: Три квадрата, 2013. С. 283-312.

¹⁵ Скрундзь, Т. П. «Строгая логика безумия»: к 60-летию со дня смерти Тихона Чурилина / Т. П. Скрундзь // Петровский мост. 2016. № 2. С. 166-174.

Жуткие видения преследуют героя зачастую в ночное время суток: «Нет масла в лампе — тушить огонь. // Сейчас подхватит нас чёрный конь...»¹⁶. Иллюзии не являются герою сами по себе — их провоцирует тот или иной внешний фактор, воздействующий на хрупкую болезненную психику героя как раздражитель — например, угарный газ: «Открылись оба глаза — // И лар // Вновь немой самовар, // А от огарка в комнате — яркий пожар» (С. 68).

Часто способом передачи нестабильного состояния больного героя является эмоционально-оценочная лексика, например, в его самохарактеристиках. Он не может дать себе объективную оценку и одновременно использует полярные номинации: «Я счастье народа. // Я горе народа. // Я — гений убитого рода, // Убитый, убитый!» (С. 63).

Также Т. Чурилин использует приём имитации безумной речи при помощи синтаксических и фонетических средств. Поэт нарушает или затрудняет синтаксис, пропускает необходимые компоненты предложения, использует лексические повторы, алогизм, эмоциональные междометия, риторические восклицания, имитирует речевые дефекты: «— Ды беги, кликни, что ежали... // — Жарежали, жарежали, жарежали!!! // Игумнова!.. // Полоумнова!» (С. 69).

Патологичность состояния может проявляться в спутанности мыслей и сумбурности ассоциаций. Чем больше прогрессирует заболевание лирического героя, тем сильнее деформируется его речь: «Разболелась голова, раскололась голова // — Два меня. // Плачу, стенья. // А-ааа, а-ааа, аа» (С. 72).

Автор не передаёт суть безумия, не описывает его симптомы. С помощью художественных средств он позволяет читателю *почувствовать*, как ощущает себя больной человек, находящийся «на грани».

Сумасшествие у Т. Чурилина является и **фактором сюжета**. Пограничность становится сюжетным элементом не только в психическом, но и

¹⁶ Чурилин, Т. В. Весна после смерти. М.: Альциона, 1915. С. 45. В дальнейшем все произведения Т. Чурилина приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте работы.

в физическом плане: герой может находиться между миром живых и миром мёртвых. Это физический план? Непонятно. Смерть и воскресение, по Т. Чурилину, носят циклический характер. Действительно ли герой проходит через эти стадии или это особенность восприятия им своего болезненного состояния — нельзя сказать точно.

Другой вариацией безумного сюжета является самоубийство как способ избавления от болезненных страданий. Как и в случае с лирическим героем В. Маяковского, герой Т. Чурилина склонен к глубоким переживаниям, его мысль о суициде не импульсивна — она культивируется в течение долгого времени: «Да — я думаю — в день радости Прекраснейший, // — Хорошо взять в руки этот старый пистолет. // И во тьме, на дне, на дне ужаснейшем, // Радостно смертельно побледнеть» (С. 89).

Безумие определяет и *характер хронотопа*. Окружающее пространство у Т. Чурилина дисгармонично и враждебно по отношению к лирическому герою. Мир наполняют инфернальные силы, поэтому автор описывает его при помощи экспрессивно-выразительной лексики и мрачных тропов: в пространстве героя мётлы дворников шелестят «как шлейфы ведьм» (С. 74), а переулочек гулок «словно склеп, где гроб» (С. 84).

Дисгармония пространства подчёркивается колоративами, имеющими прямое и символическое значение одновременно. Читателю предоставляется возможность интерпретировать сюжет как в реалистическом, так и в метафорическом ключе: «Это красная, красная, красная мышь — // В красном доме какая тишь // Умри ж!»¹⁷.

Показательным воплощением патологического пространства у Т. Чурилина является сумасшедший дом, в котором болезнь тесно переплетена со смертью. Это абстрагированный от реальности локус, который населяют жестокие, враждебные по отношению к лирическому герою персонажи.

¹⁷ Чурилин, Т. В. Стихотворения // Футурум АРТ. 2002. № 4. С. 118.

Безумие в данном контексте — это некое инфернальное начало, источник зла: «Тихо струится яд, // В жилах их — кровь течет вспять» (С. 69).

Ключевой образ этого хронотопа — макабрическая пляска сумасшедших. Даже после смерти их танец не прекращается — всё сливается в единый безумный поток: «Да и шум, да и пляски печальные там. // Но покой по теням там, по хвое цветам, // Какой!» (С. 30).

Другой сюжет, связанный в произведениях Т. Чурилина с сумасшедшим домом, — насильственная смерть. Лирический герой оказывается в беззащитном положении и ничего не может сделать, хотя заранее знает, что его «обидят»: «Артюхин лежит — глаза всё видят. // Ночью меня обидят. // Подойдёт. // Тихо. // Ножик в живот воткнёт. // Спи, Тихон» (С. 70). Герой не является носителем зла, ему нет места в этом патологическом пространстве, поэтому он умирает глупой, случайной смертью.

Общезутиристическая, неоромантическая модель безумного мира и обезумевшего от страданий героя не чужда Т. Чурилину, однако у него мотив безумия имеет более конкретный, более личный и более трагический характер. Разнообразие и выразительность средств репрезентации мотива свидетельствует о том, что не безумие, а талант водили рукой художника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мотив безумия в футуристическом творчестве выполнял важные художественные задачи. Частично они совпадали у разных представителей авангардного течения, частично различались.

Например, мотив безумия в образе лирического героя проявлялся у В. Маяковского и Т. Чурилина по-разному.

Для первого автора безумие было источником образной системы и средством экспрессии; душевная болезнь не становилась элементом сюжета или основной темой. Лирический герой В. Маяковского изначально психически здоров, а его сумасшествие является либо эпатажной маской, либо следствием естественного для него переизбытка страстей. Для передачи нестабильного

состояния поэт использовал экспрессивные тропы, различные способы остранения окружающего пространства в сознании героя, приёмы олицетворения неживых предметов и овеществления состояний.

У второго автора безумие проявляется именно на уровне темы. Т. Чурилин страдал от психического заболевания, но его тексты не были безумны в содержательном плане. Он выразил в поэзии само ощущение пограничного состояния. Лирический герой Т. Чурилина болен, поэтому читателю предлагается посмотреть на привычные вещи глазами безумца. Помимо лексических и синтаксических средств выразительности, поэт передаёт состояние безумия с помощью приёма имитации безумной речи.

У обоих поэтов мотив безумия соседствовал с мотивом самоубийства как крайней степени отчаяния героя. В обоих случаях безумие не являлось единственным объяснением суицидального поведения — сказывались как внутренняя организация героев, так и воздействующие на них обстоятельства. У героя В. Маяковского суицидальные наклонности проявлялись в моменты особого обнажения чувств, тогда как герой Т. Чурилина в принципе воспринимал жизнь как мучение, поэтому акт самоубийства был осознанной целью, способной избавить от страданий. Под физической гибелью и обманчивым воскресением героя Т. Чурилин подразумевал гибель социальную, тогда как у В. Маяковского гибель скорее метафорическая, эмоциональная.

Роль безумного хронотопа и средства его создания у авторов в некоторых аспектах сходны. Пространство и время представляются поэтам источником патологического зла, они населены враждебными персонажами. Хронотоп антропоморфен, способен непосредственно воздействовать на лирического героя. Атрибуты патологического локуса передаются с помощью экспрессивно-выразительной лексики и мрачных тропов. При этом поэтика В. Маяковского более экспрессионистична, нежели поэтика Т. Чурилина.

Наиболее яркими и частотным локусами безумного хронотопа у В. Маяковского является город, у Т. Чурилина — сумасшедший дом.

Масштабы изображения пространства у В. Маяковского и Т. Чурилина различны. У первого поэта «страшный мир» не ограничивается одним городом — безумие охватывает весь универсум. Пространство способно деформироваться и расширяться. Герой и его страдания соразмерны Вселенной.

У второго автора пространство сугубо ограничено и абстрагировано от бытовой реальности: сумасшедший дом, комната, гроб, могила у Т. Чурилина лишены какой бы то ни было конкретики. Герой не способен противостоять повсеместному безумию, поэтому изображается как маленький, сжимающийся в комок человек.

Лирические герои обоих авторов не могут найти себе места в абсурдном безумном мире, но если герой В. Маяковского — это «жилистая громадина», стремящаяся заменить собой Христа, то герой Т. Чурилина — «живой мертвец», беззащитный наблюдатель.

Проведенный анализ показал, что, с одной стороны, мотив безумия сам диктует некоторые способы и средства его реализации. Они совпадают у столь разных поэтов, как В. Маяковский и Т. Чурилин. С другой стороны, особый интерес представляют индивидуально-авторские интерпретации мотива и способы решения художественных задач.

Выявив в текстах поэтов-футуристов функции мотива безумия, мы убедились, что он не был лишь способом эпатировать публику или следствием душевной болезни. Этот мотив позволял выразить переживания и внутреннее состояние лирического героя, а также показать его место в социуме.